

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Становление и развитие евразийских идей

А. А. КОРОЛЕВ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье анализируется становление и развитие творческого наследия евразийцев, основные идеи идеологов евразийства Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Флоровского, П. Н. Сувчинского, Г. В. Вернадского, А. Л. Ливена и др. Это русское философско-политическое движение вобрало в себя как достижения, так и тупики духовных исканий «длинного» Серебряного века, который не закончился Первой мировой войной и революцией 1917 г., а продолжался в русском зарубежье.

Евразийцы поставили и отчасти решили ряд теоретических и организационно-практических проблем. Среди них: выбор модели общественного переустройства российского общества, разработка проблемы природно-климатических, геоэкономических, материально-организационных, социокультурных и религиозных факторов и их взаимосвязей, особый цивилизационный («евразийский») путь в мировом пространстве, обозначение социальной и духовной роли Русской православной церкви в российском социуме и др.

В статье показано, как происходила кристаллизация исторических воззрений евразийцев, как они, развенчивая европоцентристский миф, склонялись к туранской (тюркской) идее и объясняли свой «исход к Востоку».

Утверждается, что ряд идей евразийцев носил утопический характер: «демотический правящий слой», «идея-правительница», абсолютизация роли Русской православной церкви и др.

Ключевые слова: евразийское движение, евразийское пространство, Евразия, русская философия, туранское начало, месторазвитие, православие, идеократия.

ВВЕДЕНИЕ

Евразийство вошло в историю мировой интеллектуальной мысли как русское философско-политическое движение. Дилемму «Россия — Запад или Восток» оно решило своеобразно: ни Запад, ни Восток, а самостоятельное геополитическое и духовное образование — Евразия. Причем идеологи этого движения больше склонялись к восточной составляющей.

Евразийский проект отразил вековые поиски самобытного пути России, его роли и места в огромном евразийском пространстве. Это течение вобрало в себя как достижения, так и тупики духовных исканий «длинного» Серебряного века, который не закончился Первой мировой войной и Октябрьской революцией, а продолжился в русском зарубежье.

Организаторами и идеологами евразийства выступили молодые интеллектуалы: этнолог и лингвист с мировой известностью Н. С. Трубецкой, экономист, географ и геополитик П. Н. Савицкий, историк и богослов Г. В. Флоровский, музыковед и литературный критик

П. П. Сувчинский, историк Г. В. Вернадский, священник А. Л. Ливен. Позже к ним присоединились историк Л. П. Карсавин, правовед Н. Н. Алексеев, богослов и культуролог В. Н. Ильин и др. Одно время разделял евразийские взгляды религиозный философ Н. А. Бердяев, однако, разочаровавшись в идеологии евразийства, он вышел из этого эмигрантского движения.

ПОЧЕМУ ЕВРАЗИЙСТВО НЫНЕ ВОСТРЕБОВАНО?

Возникает сакраментальный вопрос: почему на рубеже XX–XXI вв., казалось бы, неожиданно возник общественно-политический, геополитический, экономический и культурологический интерес к духовно-интеллектуальному наследию, к сокровищнице мировой интеллектуальной истории, в частности эмигрантской, а точнее — к евразийской мысли, которая подернута дымкой времени и, по сути, представляет лишь исторический интерес?

Во-первых, изучение евразийства вызвано жесточайшим системным духовным кризисом в России да и на постсоветском пространстве, кризисом гражданской и национальной идентичности, когда идет мучительный поиск национальной идеи, своего места в мировом геополитическом пространстве. Важно обратиться к глубинным пластам отечественной культуры, в частности к трудам мыслителей русского зарубежья, особенно первой волны. Находясь на чужбине, они поставили и решили ряд проблем, как то: выбор модели общественного переустройства российского общества (как показала история, консервативная, либеральная, социалистическая модели не подошли России); разработка в комплексе и взаимоувязке природно-климатических, геоэкономических, материально-организационных, социокультурных, национальных и религиозных факторов (что обусловило особый цивилизационный («евразийский») путь в мировом пространстве); обозначение социальной и духовной роли Русской православной церкви в российском обществе и др.

Актуальность исследования системно-политического и философского («евразийского») наследия русского зарубежья вызывается еще и потому, что в современной России идет, по существу, гражданская война, велика роль конфронтационного мышления, своего рода противоборства «белых» и «красных», которое происходит на фоне сшибки «государственников», «почвенников» и либералов. «Соединение двух исторических времен, стратегическое примирение “красных” и “белых” перед лицом либеральной угрозы, — пишет писатель А. А. Проханов, — это огромная мировоззренческая задача истинных государственников» (Ансамбль государственников, 2012: Электр. ресурс). «Грядущая русская Победа требует <...> создания государства, в котором, как сказал В. В. Путин, будет возможно жить “красным комиссарам” и “белым офицерам”» (там же).

«Выявляя типически национальное, все, что было характерно для нашей страны на протяжении ее многовековой истории, отечественная общественная мысль на интеллектуальном, проектном уровне верно отражала и состояние внешней среды жизнедеятельности человека, и состояние русской души, русского характера, русского менталитета, проявившихся в героической и трагической судьбе нашего народа» (Библиотека отечественной общественной мысли ... , 2010: 10–11).

При создании евразийской концепции русские эмигранты-интеллектуалы смогли выделить то общее, что объединило их разнородные как общемировые и национальные воззрения на мировой процесс, общество, личность и религию, так и, как принято в настоящее время говорить, теории с «цветами России». В связи с тем, что евразийство рождалось не в тиши ученых кабинетов (хотя многие мыслители на чужбину пришли с большим творческим заданием), а зачастую было сопряжено с поиском хлеба насущного, вдали от Родины, на баррикадах идеологических боев, коллективное творчество по выработке новой идеологии имело на себе печать противоречивости, неаргументированности, эклектики. Русская рево-

люция 1917 г., Гражданская война, исход и депортация наиболее образованной и способной элиты (предпринимательской, военной, научно-технической, творческой и т. д.) проходили на фоне социальных катаклизмов, которые поистине потрясли мир.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. возник огромный интерес к творчеству евразийцев: проведена большая издательско-публикаторская работа, вышло много литературы личного происхождения (мемуаров, дневников, переписок и т. д.), появились кандидатские и докторские диссертации, опубликованы монографические работы. Определились центры, группы по изучению истории, повседневной жизни эмигрантов из России, как то: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Институт Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт российской истории РАН (известны труды М. Г. Вандакловской по исторической эмиграции), РГГУ (где группа ученых под руководством ректора, член-корреспондента РАН Е. И. Пивовара разрабатывает проблему исхода русских), Комиссия по комплексному исследованию российской эмиграции при Президиуме РАН под руководством академика Е. П. Чельшева. Большой вклад в исследовательскую, публикаторскую работу вносит Институт общественной мысли под руководством профессора В. В. Шелохаева. Совместно с издательством РОССПЭН он издал «Золотую книгу русской эмиграции» (1991 г.), выпустил энциклопедию «Общественная мысль Русского Зарубежья» (2009 г.) под руководством профессора В. В. Журавлева. Институт общественной мысли выпустил в 2010 г. беспрецедентную библиотеку общественной мысли с древнейших времен до начала XX в. в 119 томах. В этой серии вышли труды евразийцев Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Н. А. Бердяева, Л. П. Карсавина и других деятелей русского зарубежья. В Казахстане был создан Евразийский национальный университет Л. Н. Гумилева в качестве крупного учебного и научного центра. Можно подвести некоторые итоги в изучении евразийства. Когда появляются обобщающие труды, энциклопедии по тому или иному вопросу, то в научном мире это означает, что закончился первый («романтический») период изучения крупной научной проблемы.

ВЫЗРЕВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Общеизвестно, что вызревание евразийского движения, оплодотворенного крупной духовной идеей, не происходило в одночасье. Так, предтечи духовных поисков на платформе евразийства предпринял Н. С. Трубецкой еще в 1909–1911 гг., задолго до выхода в свет фундаментального труда евразийцев «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1». В 1920 г. он опубликовал брошюру «Европа и человечество» — по существу, «первый манифест» евразийской идеологии, вызвавший бурную полемику и ставший отправной точкой для возникновения данного движения (хотя в этой книге еще не введен термин «евразийство») (Волобуев, Морозов, 2010: 12). Обсуждение труда Н. С. Трубецкого среди единомышленников предопределило создание евразийского кружка в составе П. Н. Савицкого, А. А. Ливена, П. П. Сувчинского и Г. В. Флоровского (там же: 13).

Кристаллизация евразийской теории происходила постепенно, особенно в первой половине 1920-х гг., хотя работа над отдельными позициями происходила и во второй половине 1920-х гг. и в 1930-е гг. на специальных семинарах, в различных евразийских изданиях: в «Евразийских временниках» и «Евразийских хрониках».

Тон в евразийских работах, имеющих методологический, обобщающий характер, задавали Н. С. Трубецкой и П. Н. Савицкий. Между этими корифеями евразийства развернулась идейная и организационная борьба за руководство новым эмигрантским движением. Среди этих работ: «На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая» (Берлин, 1922); Трубецкой Н. С. (опубликована под инициалами «И. Р.») «Наследие Чингисхана. Взгляд на российскую историю не с Запада, а с Востока» (Берлин, 1925); «Евразийство. Опыт систематического изложения» (Берлин, 1926); «Тридцатые годы» (Париж, 1931). С 1925 по 1937 г. уви-

дели свет двенадцать выпусков «Евразийской хроники». Они задумывались как сводки отчетов о деятельности евразийцев, а также политические и хозяйственные обзоры жизни в СССР (Новикова, Сиземская, 1995: 8).

Интенсивная духовно-мыслительная работа евразийцев обогатила их общее наследие. При этом вклад участвующих в его разработку имел свой индивидуально-творческий окрас и неповторимость. Так, евразийство пополнили следующие учения: о симфонических (соборных) личностях (А. П. Карсавин); о евразийской историософии, где особая роль отведена Монгольскому периоду и Московскому царству (Г. В. Вернадский, П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Э. Д. Хара-Даван), о хозяйстве, государственном социализме (П. Н. Савицкий); о литературе (П. Н. Савицкий, Д. П. Святополк-Мирский); о государстве и праве, включающее концепцию правообязанностей, гарантийного государства, идеократии (Н. Н. Алексеев, П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой) (Петренко, 2010: 9).

Безусловно, в построении своей теории евразийцы опирались на мнения и высказывания своих предшественников либо противостояли им. Так, они, как и славянофилы, развенчивали европоцентристский миф, выступали против доминирования европейских идей во всех сферах русской общественной жизни (экономической, политической, социальной и духовной). Евразийцы, как и славянофилы, выступали за самостоятельную ценность русской национальной стихии (Савицкий, 2010: 192).

Вместе с тем они обращали внимание на ущербность славянских воззрений, так как они не затрагивали «азиатский» элемент в русской культуре. Одним из первых, кто указал на туранские (тюркские) мотивы, предвосхитившие появление евразийства, был К. Н. Леонтьев: «Только из более восточной, из наиболее, так сказать, азиатской — туранской нации в среде славянских наций может выйти нечто от Европы духовно независимое» (Леонтьев, 1996: 215).

ЕВРАЗИЙСТВО КАК РЕАЛЬНОСТЬ И ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

Евразия всегда рассматривалась на протяжении человеческой истории различными специалистами и гуманитариями как в России, так и за рубежом как реальность и как объект изучения евразийского пространства.

В качестве «реальности» этот регион был в поле зрения еще у деятелей и мыслителей Античности. Природные образы (резко-континентальный климат, однообразные бескрайние равнины, степи с вкраплением отрогов невысоких гор), разнообразные социокультурные, этнографические ландшафты (языческая дикость, симбиоз православных, мусульманских и конфуцианских начал) на сознательном и, скорее всего, на бессознательном уровне транслировались, суммировались в какой-то мегацивилизационный феномен. Не случайно культурно-исторические, пейзажные ландшафты, образно-географические образы сохранили величественный образ некоего Великого арабского халифата в геофилософии, историософии мусульманского мира. Исламские фундаменталисты грезят возрождением некогда существовавшей империи. Причем ее строительство предполагается через формирование «дуг нестабильности»: на юге, «на мягком подбрюшье (У. Черчилль) Центральной Азии, в Афганистане и Пакистане. Эта «дуга», по мнению фундаменталистов, должна быть обращена к Сибири и пройти через территории Таджикистана, Казахстана и России. Другой «дуге нестабильности» уготовано направление Турция — Крым — Татарстан — Башкортостан, далее ей предстоит соединиться с «дугой нестабильности» в Сибири. Таким образом, воссоздание этого мифического конгломерата привело бы, по существу, к уничтожению российского государства. Свой вклад в его эмоциональное и метафизическое восприятие внесли военные (римские легионеры, впоследствии нукеры-кочевники, казаки-первопроходцы), путешественники, дипломаты, «калики перехожие», мусульманские паломники и т. д.

Евразия была испокон веков междивизационным, межкультурным, этноконфессиональным мостом с двусторонним движением.

Важнейшим коммуникационным каналом, «прошивающим» и скрепляющим Европу и Азию, являлся Великий шелковый путь, берущий начало в Поднебесной империи и насчитывающий 12 тыс. км. Мировое сообщество, а не только евразийский социокультурный ареал обязано китайской мудрости знакомством с изобретением пороха, бумаги, компаса, механических часов, руля для управления кораблей. Средневековая Европа через торговые пути, пролегающие с Востока на Запад, взяла на вооружение научные достижения и изобретения арабских халифатов. От арабов европейцы позаимствовали оптику, астрономию, химию, алгебру (Уотт, 1976).

Осмысление Евразии как важного стратегического плацдарма в геополитической европейской мысли началось в конце XIX — начале XX в. Известный британский географ, историк, теоретик международных отношений Х. Дж. Маккиндер высказал свою центральную идею о роли Евразии в системе международных отношений в работах «Географическая ось истории» (1904), «Демократические идеалы и реальность» (1919), «Завершенность земного шара и установление мира» (1943). По его мнению, Евразия является осевым регионом мировой политики, влияние над которым служит основой мирового господства. Сюда через створ, образуемый Уральскими горами и Каспийским морем, «через степи из отдаленных и неведомых уголков Азии» шла непрерывная череда номадов-туранцев: гунны, авары, болгары, печенеги, мадьяры, куманы, монголы (Маккиндер, 2006: 61).

Маккиндер указывал, что две трети мирового населения сосредоточены в относительно небольших районах, расположенных по краям великих континентов, — в Европе около Атлантического океана, в Индии и Китае у Индийского и Тихого океанов. Огромные земли Евро-Азии, заключенные между океаном и пустыней, «насчитывают 21 000 000 кв. миль, т. е. половину всех земель на земном шаре, если исключить из подсчета пустыни Аравии и Сахару» (там же: 64). По его мысли, Россия заменяет Монгольскую империю. «Ее давление на Финляндию, Скандинавию, Польшу, Турцию, Персию, Индию и Китай заменило собой исходившие из одного центра набеги степняков» (там же: 71).

Евразийство как историческое уникальное духовное явление, выдержавшее проверку временем, сохраняет как нетленные духовные черты, так и наносное, утопическое, преходящее.

Безусловно, заслугой евразийцев является тот факт, что они привлекли внимание к евразийскому пространству как важному стратегическому плацдарму, средоточию двух континентов — Европы и Азии. П. Н. Савицкий, как никто другой, дал географическое описание и характеристику указанного региона (Савицкий, 1995: 219, 225). Евразийцы ввели географическое понятие «Евразия». Понятие «Европа» они считали «бессодержательным и нелепым», так как Западная Европа и есть Европа Восточная, резко сближающиеся друг с другом. Условное деление на Запад — Европу и Восток — Азию не удовлетворяло евразийцев ввиду того, что у «Запада» есть свой «Восток». Европа в их понимании — это океаническая и со сложным рельефом Западная Европа. Азия — это Юг и Восток Азии: Индия, Китай, Восточная Сибирь и т. д. (Петренко, 2010: 19).

По мысли П. Н. Савицкого, Евразия — это континентальная равнинная часть Европы и Азии, объединяющая Восточно-Европейскую, Беломорско-Кавказскую, Западно-Сибирскую и Туркестанскую равнины. Эти равнины вместе с возвышенностями, отделяющими их друг от друга (Уральские горы и так называемый Арало-Иртышский водораздел) и окаймляющими их с востока, юго-востока и юга (горы русского Дальнего Востока, Восточной Сибири, Средней Азии, Персии, Кавказа, Малой Азии), представляют собой мир, единый в себе и географически отличный как от стран, лежащих к западу, так и от стран, лежащих к юго-востоку и югу от него. «И если к первым приурочите имя “Европа”, а ко вторым — имя

“Азия”, то названному только что миру, как срединному и посредствующему, будет приличествовать имя “Евразия”» (Савицкий, 2010: 188). П. Н. Савицкий, определяя границу между лесной и степной зонами, назвал ее «становым хребтом Евразии» (там же: 549).

Евразийцы помнили, что, обладая этой территорией, Чингисхан создал великую империю, которая стала органической частью, костяком Московского государства.

Как и в предыдущие годы Россия (Евразия) не случайно рассматривается политиками и учеными как доминирующий стратегический район мира. Не случайно, известный русофоб и профессиональный геополитик З. Бжезинский, выступая на Мировом политическом форуме в Ярославле в 2011 г., сказал: «Последнее десятилетие XX века было отмечено тектоническим сдвигом в мировых делах... Евразия, тем не менее, сохраняет свое геополитическое значение. Не только ее западная часть — Европа — по-прежнему место сосредоточения значительной части мировой политической и экономической мощи, но и ее восточная часть — Азия — в последнее время стала жизненно важным центром экономического развития и растущего политического влияния...» (цит. по: Рудашевский, Рыскулов, 2012: Электр. ресурс). Далее он объясняет интерес США к этой части земного шара: «Евразия является центром мира, и тот, кто контролирует Евразию, осуществляет контроль над всем миром» (там же).

Н. С. Трубецкой отмечал, что «туранские», или «урало-алтайские», племена в истории названной географической области «играли первоначально гораздо более значительную роль, чем восточнославянские, русские племена... для правильного национального самознания нам, русским, необходимо учитывать наличность в нас туранских братьев» (Трубецкой, 2012: 243).

По классификации известного этнолога и филолога, под туранскими народами разумеют пять групп:

1. Народы угро-финские (эсты, карелы, мордва, финны, угры, остяки и др., а также вымершие древние племена — меря, весь, мещеры, мурома);

2. Самоеды (ненцы, энцы, нганасан, селькупы);

3. Тюрки (турки, татары — крымские, казанские и др., балкарцы, калмыки, башкиры, туркмены, узбеки, алтайцы, якуты, чувашы, а также ряд исчезнувших народов — хазары, болгары, половцы). Описывая картографически (географически) и давая хозяйственный обзор окраин Российской империи, евразийцы считали необходимым включить в свои изыскания сведения, касающиеся казахов (в начале XX в. они назывались киргизами-кайсаками, кара-киргизами, киргизами) и территорий, на которых они проживали;

4. Монголы, к которым принадлежали в пределах России калмыки, буряты, а за ее пределами — собственно монголы в Монголии;

5. Маньчжуры. К ним, помимо них, принадлежали гольды (нанайцы) и тунгусы (эвенки) (Трубецкой, 2010: 244).

Н. С. Трубецкой, Н. А. Бердяев (который на первом этапе активно участвовал в евразийском движении), Н. О. Лосский, И. А. Ильин и др. раскрыли структуру и содержание такого фундаментального понятия, как менталитет, который имеет неявный характер с разбегющимися смыслами. Без понимания его сущности невозможно понять духовность человека как специфический способ психической жизни, как высшее выражение человечности. В своих трудах мыслители-эмигранты показали, что, будучи исторически преходящим феноменом, менталитет (также этноменталитет) как духовная субстанция функционирует в рамках определенного конкретного этноса. Этнический фактор влияет на весь спектр мотивов, установок, ценностных ориентаций, на социальное поведение как отдельного индивида, так и общности. (Королев, 2011). В частности, Н. А. Бердяев говорил о полярном характере русского национального характера, который является важной составной частью менталитета.

Например, русский человек одновременно бывает милосердным (к своим) и жестоким, даже беспощадным (к другим — «врагам»). Примечательно, что автор, предвосхищая наработки в области психологии, философии, культурологии, физиологии и т. д. конца XX — начала XXI в., уже в первой трети прошлого столетия указывал, что национальный характер (а значит, и менталитет) находится в развитии. Конечно, он не мог предвидеть кардинальных изменений на мировой арене (Вторая мировая война, «холодная война», крах СССР и мировой социалистической системы и др.), которые не только революционно меняли материальные условия людей, но и их духовно-нравственные ценности. В настоящее время наряду с формированием планетарного видения мира у современного человека возрождаются архетипы подсознания. Это дало основание ряду ученых рассматривать данную особенность современного бытия как «новоязычество» (В. Крутоус), «новая религиозность» (П. С. Гуревич). На предтечи данного этноявления в свое время указывали Н. А. Бердяев («новое средневековье»), П. А. Сорокин («сверхчувственная эпоха»).

Говоря о туранском психологическом облике в русской культуре, Н. С. Трубецкой отмечал, что он более всего проявляется у тюрков, которые играли в истории Евразии самую выдающуюся роль. «Типичский тюрк, — писал он в своей работе «О туранском элементе в русской культуре», — не любит вдаваться в тонкости и в запутанные детали. Он предпочитает оперировать с основными, ясно воспринимаемыми образами и эти образы группировать в ясные простые схемы» (Трубецкой, 2010: 245). Вместе с тем ученый предупреждает, что ошибочно думать о схематичном мышлении кочевых народов, так как содержание эпических преданий тюркских племен решительно противоречит такому представлению. Тюркской фантазии характерен «смелый размах»: «картина, рисуемая этим воображением, не пестрит разнообразием красок и переходных тонов, а написана в основных тонах, широкими, порой даже колоссально широкими мазками» (там же: 253).

Значительное место в творчестве Н. А. Бердяева принадлежит пространственному фактору, который предопределил формирование русского национального характера и становление русской государственности. Как справедливо заметил исследователь жизни и творчества выдающегося мыслителя Т. А. Филиппова, «есть темы, которые по принципу музыкального рондо вновь и вновь повторяются в его работах, возникая на новом витке его философских увлечений» (Филиппова, 2010: 20).

Такой доминирующей мыслью о власти пространства в истории русской культуры является идея об «ушибленности русской души ширью», которая «не видит границу, и эта безграничность не освобождает, а поработывает ее» (Бердяев, 2010: 99).

В изучении наследия евразийцев большое, если не определяющее, значение имеет культурологический аспект, так как он дает прекрасную возможность представить в исторической динамике, проследить эволюцию «длинного» Серебряного века. Традиционно считается, что он был закончен Первой мировой войной и Октябрьской революцией. В действительности же творцы (правда, не все) этого взлета философской, художественно-эстетической, религиозной мысли, художественного творчества, оказавшись на чужбине, восприняв идеи, будоражащие мир искусства, продолжали создавать шедевры и достигали непревзойденных высот в сфере своей деятельности. В изгнании успешно создавали произведения, отмеченные «стремлением к запредельному», «исканию высшей правды», религиозные философы Н. А. Бердяев, В. В. Зеньковский, Г. В. Флоровский, С. Л. Франк, писатели И. А. Бунин, И. С. Шмелев, В. Ф. Ходасевич, философ, историк-медиевист Л. П. Карсавин и др. Как пишет исследователь культуры Серебряного века Л. Г. Березовая, «гармония мысли, чувства, интуиции и творчества как новая творческая парадигма личности Серебряного века требовала энциклопедического типа знания, энциклопедического диапазона деятельности» (Березовая, 2011: 171).

Уже при жизни труды евразийцев (хотя активный «век» их короток: по существу, промежуток между двумя мировыми войнами) получили широкий отклик — как «за», так и «против». Они сами не скрывали, что их учение противоречиво, порождает массу ассоциаций. Как справедливо писали исследователи евразийства Л. И. Новикова и И. Н. Сиземская, «порой интерпретаторы домысливают и договаривают то, о чем предпочитали умалчивать сами авторы, порой идеи, высказанные по поводу конкретных исторических ситуаций, слишком произвольно переносятся на наши сегодняшние реалии» (Новикова, Сиземская, 1995: 6).

Ряд идей евразийцев был утопическим. В частности, они высказали идею о том, что можно путем отбора сформировать «демотический правящий слой», говоря современным языком, правящую элиту. Стремясь отграничить себя от европейской демократии, от псевдодемократической процедуры выборной системы, евразийцы грезил о том, что можно создать демократический строй, в основе которого лежала спайка между каким-то образом сконструированным правящим слоем и широкими народными массами. Из логических построений представителей данного направления самобытного и оригинального течения русского зарубежья вытекала идея идеократического государства. Евразийцы считали, что «идея-правительница» (а таковой они считали евразийскую идею) должна проникнуть во все сферы государственной и общественной жизни. В обобщающей, по существу, программной работе «Евразийство (опыт системного изложения)», датируемой 1926 г., намечалось создать новую партию, которая бы явилась носителем этой новой идеологии и смогла бы занять место коммунистической. «Эта партия должна вместо большевиков стать основой и направляющей силой уже создавшегося в России нового правящего слоя» (Евразийство ... , 1995: 273).

Представление об идейных и организационных основах евразийской партии имел расплывчатый смысл: это «государственно-идеологический союз», она раскидана по всей стране, «не совпадает с государственным аппаратом и определяется не функцией управления и идеологией». «Формально нечто подобное этому представляет собой итальянский фашизм, лишенный, впрочем, глубокой идеологии...» (там же). Н. Н. Алексеев полагал, что «формально (а не по существу) мы стоим ближе не к политическим партиям, а к таким объединениям, каковыми являются католические ордена и масоны. Но те и другие суть продукты западной культуры, западного христианства, мы же — восточники, и, конечно же, нас не могут вдохновить ни идеи иезуитов, ни идеи их западных антиподов — свободных мыслителей, реформаторов и протестантов...» (Алексеев, 1995: 181).

В своей историософской концепции евразийцы большое внимание уделяли проблемам религии, сожительству различных конфессий, в первую очередь православия и ислама, которые имеют глубокие корни на территории Евразии. Евразийцы рассматривали переживаемые события как катастрофу, как кризис европейской культуры, а нарождающуюся культуру, обращенную к Востоку, воспринимали как антитезу дряхлеющему Западу, погрязшему в атеизме и рационализме.

По прошествии десятка лет приходится признать правоту евразийцев в критике европеизма, в насаждении европейских (христианских) ценностей в незападном мире. Нельзя не заметить, что, говоря о содружестве различных религий, исповедуемых народами евразийского континента, евразийцы преувеличивали роль православия. На это обращали внимание в свое время сами евразийцы, которые отошли от движения в силу разных причин. Например, в результате того, что они признавали советскую власть как продолжательницу исторической мысли имперской России. Как писал П. М. Бицилли в статье «Два лика евразийства» (1927), «все дело портит их (евразийцев. — А. К.) проект “единственной правящей партии”. Существование этой на “истинной”, то есть православно-догматической, основе образованной партии тем самым создает для Церкви особенное положение как в Евразии,

так и в национально-государственном ядре ее, собственно России. Положение церкви в Евразии, то есть в Российской империи, будет, при наличии «правлящей православной партии», неизбежно положением одного из органов имперского властвования...» (Бицилли, 1995: 345). Критик евразийства делает вывод, что организованное, формальное подчинение религии и Церкви «приводит только к лицемерию, ханжеству, умалению самой религии и оскудению религиозного духа в Церкви» (там же: 347). И. А. Ильин высмеивал евразийцев за многочисленные заимствования, призывал к сохранению духовной самобытности, которая «нарочито не выдумывается», быть «страстно цельными» и в этой страстной цельности «искать Божественную, о Нем помышлять» (Ильин, 1995: 354). Особо резкую критику И. А. Ильина вызвал так называемый «умный рецепт» евразийцев, «чтобы русский человек, желая вернуть себе свою утраченную русскость, начал натаскивать себя на татарщину» (там же). И делал вывод, что это «и безнадежно, и фальшиво, и смешно» (там же).

П. П. Сувчинский, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, продолжая спор «западников» и «славянофилов», отводили России особое место, подчеркивали ее уникальность в истории и геополитике. Она не принадлежит ни Европе, ни Азии. П. Н. Савицкий видел вселенскую миссию России на геополитической карте мира. Но в то же время, находясь на стыке цивилизаций, она тяготеет к Азии, к туранской культуре. Одна из программных статей теоретиков евразийства так и называлась «Исход к Востоку». Отсюда они давали характерное название региону, который распластался на двух континентах, — Азиопа (в противовес Европе). В этом их современники усмотрели восточный изоляционизм, «самостийность», непонимание исторического развития России как части европейского мира и культуры. В наши дни есть стремление наклеить на этот исторический феномен ярлык «экстремистского национализма», который является свидетельством «вырождающегося славянофильства», что в перспективе неминуемо приведет к фашизму. К такому выводу пришел историк-эмигрант третьей волны А. Янов. Он голословно утверждал, что «учение Гумилева может стать идеальным фундаментом российской “коричневой” идеологии...» (Янов, 1992: 114).

Возвращаясь к евразийству как концепции, следует подчеркнуть, что с точки зрения современных подходов она содержит как актуальные идеи, требующие своего дальнейшего развития, так и отжившие, архаичные, не отвечающие реалиям дня.

По-прежнему актуально звучат, например, геополитические и геокультурные воззрения евразийцев, составляющие основу русской школы геополитики. Одно из важнейших достоинств этой школы — обоснование геополитического проекта будущего континента Евразии. П. Н. Савицкий ввел понятие «месторазвитие», которое соответствует каждой цивилизации как особому социокультурному организму. «Месторазвитие» он рассматривает как взаимное приспособление живых существ друг к другу в тесной связи с внешними географическими условиями, что создает особую гармонию и устойчивость среды (Савицкий, 1997: 332). Данное понятие отражает единство Евразии, единство материальных и духовных начал, географических и социокультурных сопряжений (Василенко, 2010: 189).

В географической среде, в «месторазвитии» необходимо, как указывали евразийцы, искать истоки самобытности различных стран и народов, населяющих Евразию. Обращение к «туранскому» началу, по мысли Л. П. Карсавина, не дает возможности русскому национальному сознанию сосредотачиваться только на славянском вопросе (Карсавин, 1927: 137). Взаимодействие, как принято считать, диалог цивилизаций, носителей этнокультурных традиций в обширном пространстве и на длительном отрезке времени породили «сверхнациональную», евразийскую культуру.

Обозначая значительную роль евразийцев в выделении Евразии как особого геополитического и геокультурного мира, справедливости ради следует отметить сильное влияние в их взглядах географического детерминизма. Хотя в своих трудах они выказывали знание со-

временных зарубежных геополитических учений, в частности Х. Дж. Маккиндера, они, говоря о категории «месторазвитие», обосновывали новую отрасль обществознания — геософию как «синтез географических и исторических начал» (Савицкий, 1997: 286).

П. Н. Савицкий считается основоположником геополитики в русской научной и политической традиции. Как пишет Д. Е. Соколов, «уникальность евразийской геополитической модели Петра Савицкого заключается не только в простом противопоставлении интересов континентальной цивилизации интересам океанической, а именно в опоре этой теории на традицию русской мысли по данной проблематике и в попытке синтеза этой традиции с данными многих наук того времени. Такой системный подход сохранил актуальность некоторых выводов Савицкого и в наши дни» (Соколов, 2007: 125).

Евразийство как историологическая и историософская доктрина, естественно, не могло не получить ни теоретических, социогуманитарных откликов, интерпретаций.

Следует иметь в виду, что противоборство «белых» и «красных» идей в эмигрантской среде, в том числе и гуманитарной продолжалось. Вторая мировая война провела резкий водораздел в самосознании как «материковой» советской России, так и русского зарубежья. Несмотря на то что евразийцы (правда, не все) были «преждевременными людьми», их взгляды на внутренние российские процессы нередко носили утопический характер, тем не менее они отражали идеи искания русского общества, которые объективно выражали срединное «местоположение» России — между Западом и Востоком.

Важно подчеркнуть, что евразийский проект переустройства России нашел широкую поддержку как внутри страны, так и за рубежом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев, Н. Н. (1995) Евразийцы и государство // Мир России — Евразия : Антология. М. : Высшая школа. 399 с. С. 176–190.

Ансамбль государственников (2012) [Электронный ресурс] // Завтра. 10 сентября. URL: <http://zavtra.ru/content/view/ansambl-gosudarstvennikov/> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 10.10.2014).

Бердяев, Н. А. (2010) Избранные труды / сост., автор. коммент. Т. А. Филиппова, П. Н. Баторов. М. : РОССПЭН. 648 с.

Березовая, Л. Г. (2011) Интеллектуальный Ренессанс Серебряного века // Историк и его время. Сборник статей. К 70-летию проф. В. В. Шелохаева / отв. ред. В. В. Журавлев. М. : РОССПЭН. 494 с. С. 158–175.

Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века. Введение (2010) / рук. А. Б. Усманов. М. : РОССПЭН. 352 с.

Бицилли, П. М. (1995) Два лика евразийства // Мир России — Евразия : Антология. М. : Высшая школа. 399 с. С. 335–349.

Василенко, И. А. (2010) Геополитика современного мира : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Юрайт. 395 с.

Волобуев, О. В., Морозов, А. Ю. (2010) Николай Сергеевич Трубецкой // Трубецкой, Н. С. Избранное. М. : РОССПЭН. 616 с. С. 5–42.

Евразийство (опыт систематического изложения) (1995) // Мир России — Евразия : Антология. М. : Высшая школа. 399 с. С. 233–290.

Ильин, И. А. (1995) Самобытность или оригинальничание? // Мир России — Евразия : Антология. М. : Высшая школа. 399 с. С. 349–354.

Карсавин, А. П. (1927) Без догмата // Версты. № 2. С. 129–144.

Королев, А. А. (2011). Этноменталитет: сущность, структура, проблема формирования : монография. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 104 с.

Леонтьев, К. Н. (1996) Восток, Россия и славянство : Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М. : Республика. 799 с.

Маккиндер, Х. Дж. (2006) Географическая ось истории // Геополитика: классика и современность : хрестоматия / сост. В. И. Буренко, А. А. Королев. М. : Изд-во Национального института бизнеса. 352 с. С. 56–73.

Новикова, Л. И., Сиземская, И. Н. (1995) Евразийский искус // Мир России — Евразия : Антология. М. : Высшая школа. 399 с. С. 5–20.

Петренко, Е. Л. (2010) Петр Николаевич Савицкий // Савицкий, П. Н. Избранное / сост., автор вступ. сл. Е. Л. Петренко. М. : РОССПЭН. 776 с. С. 5–37.

Рудашевский, В., Рыскулов, Д. (2012) Трансазиатский коридор развития [Электронный ресурс] // Независимая газета. 11 сентября. URL: http://www.ng.ru/energy/2012-09-11/9_transasia.html [архивировано в WebCite] (дата обращения: 19.05.2014).

Савицкий, П. Н. (1995) Географический обзор России-Евразии // Мир России — Евразия : Антология. М. : Высшая школа. 399 с. С. 219–233.

Савицкий, П. Н. (1997) Континент Евразия. М. : Аграф. 464 с.

Савицкий, П. Н. (2010) Избранное. М. : РОССПЭН. 776 с.

Соколов, Д. Е. (2007) Идеи П. Н. Савицкого в русской и мировой геополитической мысли XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Т. 13. № 36. С. 123–126.

Трубецкой, Н. С. (2010) Избранное. М. : РОССПЭН. 616 с.

Уотт, У. М. (1976) Влияние ислама на средневековую Европу. М. : Наука. 130 с.

Филиппова, Т. А. (2010) Николай Александрович Бердяев // Бердяев, Н. А. Избранные труды / сост., автор. коммент. Т. А. Филиппова, П. Н. Баратов. М. : РОССПЭН. 648 с. С. 5–40.

Янов, А. (1992) Учение Гумилева // Свободная мысль. № 17. С. 104–116.

Дата поступления: 20.05.2014 г.

THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF EURASIANISM'S MAIN CONCEPTS

A. A. KOROLEV

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

The article analyses the emergence and development of Eurasianism and its fundamental concepts as expressed by its ideologists and proponents, such as N. S. Trubetskoy, P. N. Savitskii, G. V. Flovskii, P. N. Suvchinskii, G. V. Vernadskii, A. L. Liven. This Russian philosophic and political movement reflected both the achievements and deadlocks of the “long” “Silver age” spiritual strivings which were not fully interrupted by World War I and the 1917 Revolution, but continued by Russian emigrants abroad (in the so-called Russian Zarubezhie).

The representatives of Eurasianism (a theory asserting a special character of Russian and related Eastern cultures) raised a number of theoretical and practical issues and in part solved them. Among those issues were choosing a model of social reconstruction of Russian society; tracing the role of natural-climatic, geoeconomic, material, organizational, sociocultural and religious factors and their interconnections; the existence of a distinct Eurasian civilizational path; and determining the social and spiritual role of the Russian Orthodox Church in the Russian society.

The article follows the progress of the Eurasian thinkers' views on history, showing how they challenged the Eurocentric myth and embraced the “Turanic” (Turkic) idea as an explanation for their “Exodus to the East”.

It is also shown that a number of Eurasian ideas, such as the “demotic ruling stratum”, “governing idea”, or the absolutization of the role of Russian Orthodox Church, were of Utopian nature.

Keywords: Eurasian development, Eurasian space, Eurasia, Russian philosophy, Turanic element, “mestorazvitiye” (place-development), Orthodoxy, ideocracy.

REFERENCES

Alekseev, N. N. (1995) Evraziitsy i gosudarstvo [The Representatives of Eurasianism and the State]. In: *Mir Rossii — Evraziia : Antologiya* [The World Russia — Eurasia: An Anthology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 399 p. Pp. 176–190. (In Russ.).

Ansambl' gosudarstvennikov [The Harmony of Strong State Proponents] (2012). *Zavtra*. September 10. [online] Available at: <http://zavtra.ru/content/view/ansambl-gosudarstvennikov/> [archived in WebCite] (accessed 10.10.2014). (In Russ.).

Berdyayev, N. A. (2010) *Izbrannye trudy* [Selected Works] / comp., notes by T. A. Filippova and P. N. Baratov. Moscow, ROSSPEN Publ. 648 p. (In Russ.).

Berezovaia, L. G. (2011) Intellektual'nyi Renessans Serebriannogo veka [The Intellectual Renaissance of the "Silver Age"]. In: *Istoriia i ego vremia. Sbornik statei. K 70-letiiu prof. V. V. Shelokhaeva* [A Historian and His Time: A Festschrift Dedicated to Professor V. V. Shelokhaev on His 70th Birthday] / ed. by V. V. Zhuravlev. Moscow, ROSSPEN Publ. 494 p. Pp. 158–175. (In Russ.).

Biiblioteka otechestvennoi obschestvennoi mysli s drevneishikh vremen do nachala XX veka. Vvedenie [The Library of Russian Social Thought from Ancient History to the Beginning of the 20th Century. Introduction] (2010) / project supervisor A. B. Usmanov. Moscow, ROSSPEN Publ. 352 p. (In Russ.).

Bitsilli, P. M. (1995) Dva lika evraziizstva [The Two Faces of Eurasianism]. In: *Mir Rossii — Evraziia : Antologiiia* [The World of Russia — Eurasia: An Anthology]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ. 399 p. Pp. 335–349. (In Russ.).

Vasilenko, I. A. (2010) *Geopolitika sovremennoho mira : uchebnoe posobie* [The Geopolitics of Modern World: A Textbook]. 2nd edn. Moscow, Iurait Publ. 395 p. (In Russ.).

Volobuev, O. V. and Morozov, A. Yu. (2010) Nikolai Sergeevich Trubetskoy. In: Trubetskoy, N. S. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, ROSSPEN Publ. 616 p. Pp. 5–42. (In Russ.).

Evraziizstvo (opyt sistematicheskogo izlozheniia) [Eurasianism (An Attempt at Systematic Exposition)]. (1995) In: *Mir Rossii — Evraziia : Antologiiia* [The World of Russia — Eurasia: An Anthology]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ. 399 p. Pp. 233–290. (In Russ.).

Ilyin, I. A. (1995) Samobytnost' ili original'nichanie? [Originality or Trying to Be Original?]. In: *Mir Rossii — Evraziia : Antologiiia* [The World of Russia — Eurasia: An Anthology]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ. 399 p. Pp. 349–354. (In Russ.).

Karsavin, L. P. (1927) Bez dogmata [Without Dogma]. *Versty*, no. 2, pp. 129–144. (In Russ.).

Korolev, A. A. (2011). *Etnomentalitet: sushchnost', struktura, problema formirovaniia* [Ethno-mentality: Essence, Structure, Problem of Development]. Moscow, Moscow University for the Humanities Press. 104 p. (In Russ.).

Leontiev, K. N. (1996) *Vostok, Rossiia i slaviansstvo : Filosofskaia i politicheskaia publitsistika. Dukhovnaia proza (1872–1891)* [The East, Russia and Slavic Peoples: Philosophic and Political Writing on Current Affairs. Spiritual Prose (1872–1891)]. Moscow, Respublika Publ. 799 p. (In Russ.).

Mackinder, H. J. (2006) Geograficheskaia os' istorii [The Geographical Pivot of History]. In: *Geopolitika: klassika i sovremennost' . Kbrnestomatiia* [Geopolitics: Classic and Modern Writing: A Reader] / comp. by V. I. Burenko and A. A. Korolev. Moscow, National Institute of Business Press. 352 p. Pp. 56–73. (In Russ.).

Novikova, L. I. and Sizemskaiia, I. N. (1995) Evraziiskii iskus [The Eurasian Temptation]. In: *Mir Rossii — Evraziia : Antologiiia* [The World of Russia — Eurasia: An Anthology]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ. 399 p. Pp. 5–20. (In Russ.).

Petrenko, E. L. (2010) Petr Nikolaevich Savitskii. In: Savitskii, P. N. *Izbrannoe* [Selected Works] / comp., introduction by E. L. Petrenko. Moscow, ROSSPEN Publ. 776 p. Pp. 5–37. (In Russ.).

Rudashevskii, V. and Ryskulov, D. (2012) Transaziatskii koridor razvitiia [Trans-Asian Corridor of Development]. *Nezavisimaia gazeta*. September 11. [online] Available at: http://www.ng.ru/energy/2012-09-11/9_transasia.html [archived in WebCite] (accessed 19.05.2014). (In Russ.).

Savitskii, P. N. (1995) Geograficheskii obzor Rossii-Evrazii [A Geographical Review of Russia — Eurasia]. In: *Mir Rossii — Evraziia : Antologiiia* [The World of Russia — Eurasia: An Anthology]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ. 399 p. Pp. 219–233. (In Russ.).

Savitskii, P. N. (1997) *Kontinent Evraziia* [The Eurasian Continent]. Moscow, Agraf Publ. 464 p. (In Russ.).

Savitskii, P. N. (2010) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, ROSSPEN Publ. 776 p. (In Russ.).

Sokolov, D. E. (2007) *Idei P. N. Savitskogo v russkoi i mirovoi geopoliticheskoi mysli XX veka* [P.N. Savitskii's Ideas in the Russian and World Geopolitical Thought of the 20th Century]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, vol. 13, no. 36, pp. 123–126. (In Russ.).

Trubetskoy, N. S. (2010). *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, ROSSPEN Publ. 616 p. (In Russ.).

Watt, W. M. (1976). *Vliianie islama na srednekovuiu Evropu* [The Influence of Islam on Medieval Europe]. Moscow, Nauka Publ. 130 p. (In Russ.).

Filippova, T. A. (2010) Nikolai Aleksandrovich Berdyaev. In: Berdyaev, N. A. *Izbrannye trudy* [Selected Works] / comp., notes by T. A. Filippova and P. N. Baratov. Moscow, ROSSPEN Publ. 648 p. Pp. 5–40. (In Russ.).

Yanov, A. (1992) *Uchenie Gumileva* [The Doctrine of Gumilev]. *Svobodnaia mysl'*, no. 17, pp. 104–116. (In Russ.).

Submission date: 20.05.2014.

Королев Анатолий Акимович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-55-81. Эл. адрес: anatoliy-korolev@rambler.ru

Korolev Anatoly Akimovich, Doctor of History, Professor, Department of History, Moscow University for the Humanities; Honoured Scientist of the Russian Federation. Postal address: 5 Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 374-55-81. E-mail: anatoliy-korolev@rambler.ru